объединенное с отзывом о «Димитрии Донском» мыслью о необходимости верного отражения в искусстве национального характера определенной эпохи, — свидетельство, что не только в лирике, которая явилась «первым *действительным* проявлением русского духа в сфере поэзии»,[32] но и в теоретических исканиях Державин приближался к той трактовке народности, которая была сформулирована лишь Пушкиным в 1826 г., после «Бориса Годунова».

Коснувшись всего лишь двух-трех вопросов, мы видим сложность эстетических воззрений писателя, который отталкивался от прошлого, шел с веком наравне, а зачастую, как гениальный поэт, и обгонял время. Так к какому же направлению можно его отнести? Обедняя и подчищая, — к любому. Но, может быть, сегодня, когда многообразие искусства, в том числе и реалистического, стало общепризнанным, прислушаемся к голосу нашего современника Алана Маршалла: «Я всегда был противником людей, вешающих ярлыки на литературу. Кем только не называли меня за мою писательскую жизнь — реалистом, сюрреалистом, социалистическим реалистом, натуралистом, романтиком, поборником потока сознания, авангардистом-экспериментатором... Испокон веку повторяется одно и то же: писатель сочиняет книгу, а критик выискивает подобающую этикетку, считая, что раз этикетка найдена, говорить о писателе больше нечего — все его последующие книги все равно будут подводить под этот разряд.

Я отказываюсь подчиняться диктатуре ярлыков. Моя задача — писать правду, воплощая ее в живых людях».[33]

Слышу голоса рассерженных оппонентов: «Что может быть общего между австралийским писателем XX в. и русским поэтом XVIII столетия?». Только два признака: отчетливо осознанное стремление «говорить правду» и нежелание подчиняться «диктатуре ярлыков», «ораве школ».

Не достаточно ли и последнего, чтобы отказаться от подведения большого наследия великого поэта прошлого под единый, раз навсегда определенный разряд.

---

[32] Белинский, т. V, 1954, стр. 528.
[33] Иностранная литература, 1966, № 12, стр. 216.